

для него. Такимъ образомъ, тотъ Скупой, которымъ публика восторгалась въ Щепкинѣ, „былъ плодъ и великаго таланта, и глубоко обдуманнаго изученія“. Въ области вопросовъ о сценическомъ искусствѣ главнымъ совѣтникомъ Михаила Семеновича былъ высокообразованный человѣкъ, замѣчательный знатокъ Шекспира, Н. Х. Кетчеръ. По словамъ А. В. Станкевича, Щепкинъ всегда обращался къ этому другу за приговорами о томъ, какъ онъ сыгралъ ту или другую роль „Взыскательному къ самому себѣ артисту“, — по словамъ А. В. Станкевича, — „нужно было знать впечатлѣнiе Кетчера. Скажи послѣднiй, доволенъ или недоволенъ Щепкинымъ въ такой-то роли и для артиста это уже было поправленiемъ или подтвержденiемъ собственнаго мнѣнiя объ игрѣ своей“.

Щепкинъ слѣпо на вѣру, однако, не принималъ ничьего мнѣнiя, даже и по литературѣ.

— У меня своя голова на плечахъ, — говорилъ онъ: — я и самъ кое о чемъ, можетъ быть, смекну.

И смекалъ. Да какъ еще! Совсѣмъ подчасъ по-своему. А когда онъ до чего додумается, онъ умѣлъ объяснять это и просто, и понятно.

— Какъ вамъ кажется, Михаилъ Семеновичъ, — спросилъ его кто-то изъ молодыхъ людей, — не правда ли, что въ характерѣ Чацкаго есть большое сходство съ Мизантропомъ Мольера?

Михаилъ Семеновичъ весь оживился, начавъ все больше одушевляться, съ жаромъ объяснять разницу въ характерѣ обоихъ этихъ лицъ.

— Чацкiй, дѣйствительно, переросъ наше русское общество того времени. Раздраженъ Чацкiй потому,